

Отписки Семена Дежнева о походе на Анадырь

I

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии столнику и воеводе Ивану Павловичю Акин-фьеву да Дьяку Осипу Степанову с новые реки Анандыру служилые и промышленые люди Семейка Дежнев да Микитка Семенов челом бьют.

В прошлом во 157 году Колымы реки от сына боярского Василья Власьева да целовалника Кирила Коткина посланы служилые и промышленые яз, Микитко, с товарыщи в верх Анию реки на неясачных людей. И государевым счастьем, нашли мы неясачных людей ходынцов и их громили. А взяли мы для государева ясаку того погрому лутчего мужика, именем зовут Ангара, и отдали на Колыме реке сыну боярскому Василью Власьеву да целовалнику Кирилу Коткину. А на роспросе тот мужик сказал и того погрому ясыри: «Есть де за каменем новая река Анандыр, а подошла де та река Анандыр к вершине Анию реки близко».

И по тем роспросным речам прибрались охочие промышленные люди, а били челом государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а челобитную подали на Колыме реке сыну боярскому Василью Власьеву да целовалнику Кирилу Коткину, чтоб их государь пожаловал, отпустил в те новые места, на ту захребетную реку Анандыр, отпустил бы для прииску вновь ясачных людей и приводу под царскую высокую руку...¹ Анадырь.

¹ В оригинале здесь и далее пропуск, по-видимому, неясного текста.

А иные промышенные люди подавали челобитные во 158 году ему, Семену Моторе, чтоб служилым и промышленным людем по той наказной памяте ... с ним, Семеном; да с ним же, Семеном, посланы служилые люди.

И в прошлом во 157 году Ленского острогу служивой человек Михайло Стадухин пошел морем с Колымы реки вперед на Погичу реку; а в прошлом во 158 году сентября в 7 день пришел с моря назад на Колыму реку. А с Колымы он, Михайло, писал в Ленской острог воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарыщи, что бежали де они, Михайло с товарыщи и с беглыми служивыми людми, морем вперед семеры сутки, а людей де нашли не больших коряков и языков переимали; а на роспросе языки сказали, что «люди де впереде есть, а реки де впереде никакой не знаем».

И он, Михайло, послыша те роспросные речи и покупя того ж нашего погрому ясырей, учал смышлятца в те же новые места, на ту же Анандыр реку, где отпущены мы, служилые и промышенные люди. И учал он, Михайло, с товарыщи и с беглыми служивыми людми с Ярофеем Киселевым с товарыщи изгонять и всяко угрожать; и дорогою, идучи по Анию и по Анандырю рекам, корм, и оружие, и всякой промышленной завод, собаки и нарты сильно имал и между нами рознь чинил, чтоб та государева служба заложить, завистию своею не хотя нас видеть в царском милостивом призренъи. Да он же, Михайло, на Колыме реке товарыщев наших, промышенных людей Матюшку Калинина да Кирилка Проклова, с беглыми служилыми людми били и ясырю у него, Кирилка, взяли сильно, напрасно. А в той его, Михайлове, обиде и во всей его похвалбе подана у нас на Колыме реке в ясачном зимовье служилым людям Мокею Игнатьеву да Ивану Иванову Пермяку известная челобитная.

А как мы пошли с Колымы реки, и в верху Ания реки на каменю, переняв аргишицы иноземские, за ними ... в поход ходили. И государевым счастьем, взяли ходынского мужика в оманаты доброго, именем зовут Чекчо, а братьев у него — четыре брата родных, а он пятой, и иных родников много. А взяли мы того оманата марта в 24 день. А к родникам своим посыпал Чекчо и велел им быть к нам на кош с государевым ясаком в четвертой день.

А тот Михайло Стадухин пришел с Колымы реки в верх Ания реки марта в 26 день и стал станом своим

подле нас близко. А как те иноземцы пришли к нам с ясаком, и взяли мы государева ясаку под того оманата девять соболей. И тот Михайло с товарыщи в те же поры об ясачном сборе учинил стрелбу из оружья, не ведомо для чего, и тех иноземцев отогнал. А мы его, Михайла, унимали, и он нас не послушал. А чаяли, что мочно было с тех иноземцев государева ясаку и больше того взять, потому что иноземцев было немало, человек с полста и больше.

А как мы перешли на Анандыр реку, и он, Михайло, по первой своей похвалбе, идучи дорогою, росплоша приказного у нас служиваго человека Семена Мотору сильно к себе взял, и держал у себя он девять ден. А пришел он, Семен, к нам на дороге в десятой день, а сказал он, Семен: «Садил де меня Михайло Стадухин в колоду. А вымучил де у меня в колоде он, Михайло, таково писмо, чтоб мне, Семену, с товарыщи на Анандыре государевы службы особне не служить, кроме его, Михайла, и быть под началом у него, Михайла».

Да апреля в 23 день на Анандыре реке Семен Мотора с товарыщи дошли до ясачного зимовья Семейки Дежнева с товарищи, с промышенными людми двенадцать человек. И яз, Семейка Дежнев, с товарыщи с ним, Семеном Моторою, с товарыщи стали государеву службу служить с того числа вместе и оманатов кормить сообща. А у меня, Семейки, с товарыщи два оманата анауляне взяты вновь, Колупай имя одному, а другому — Негово.

А тот Михайло Стадухин, обошед то ясачное зимовье, погромил анаулских мужиков. А на погроме побил их, анаулей, много и тех ясачных мужиков Колупая и Негова отцов и родников их погромил. И яз, Семейка, с товарыщи пришел к тому анаулскому острожку к нему, Михайлу, с товарыщи и стал ему говорить, что делает он негораздо, побивает иноземцев без розбору. И он, Михайло, говорил: «То де люди неясачные, а только де они ясачные, и ты де поди к ним и зови их вон из острожку и государев ясак возми с них». И яз, Семейка, стал им, иноземцом, говорить, чтоб без боязни вон вышли и дали б государев ясак. И тех анаулских оманатов родник стал подавать из юрты государю в ясак ополники соболи. И он, Михайло, учал, ополники из рук вырвав, меня, Семейку, бить по щекам в том, что яз стал государеву службу служить с Семеном Моторою с товарыщи сообща, потому что мы люди невеликие. И стал он, Михайло, на нас риитца

и всякими обычаями изгонять. И мы, служивые и промышленые люди Семен Мотора и яз, Семейка Дежнев, с товарыщи, служилыми и с промышленными людьми, бегаючи и укрываючись от его, Михайловы, изгони, пошли мы осенью нартяным путем вперед на захребетную реку Пянжин для прииску и приводу под государеву царскую высокую руку вновь неясачных людей. И у нас на ту реку ведомых вожей не было. А ходили мы три недели и реку не нашли. И мы, видя нужную голодную и холодную смерть, назад на Анандыр воротились.

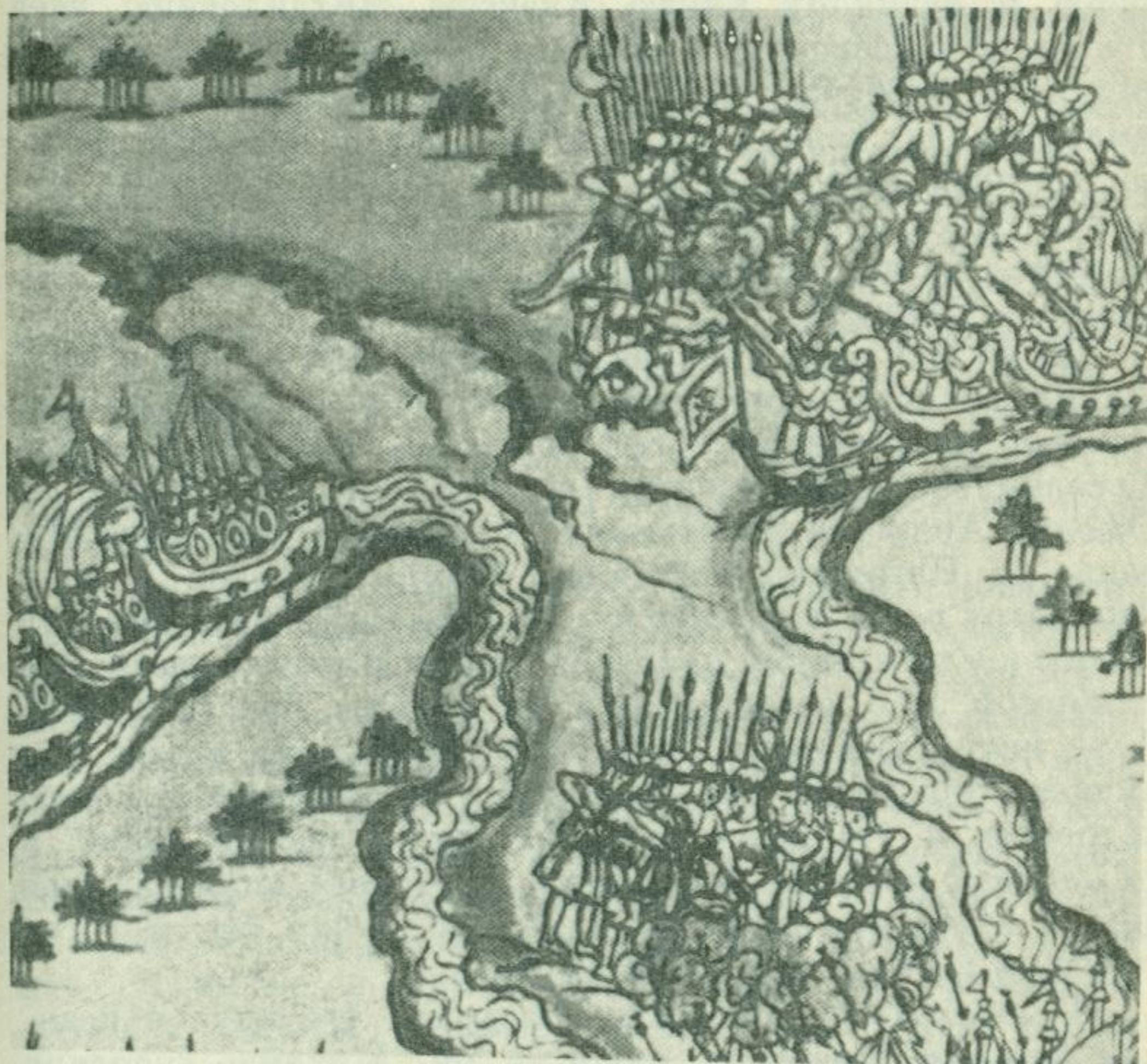
Да в прошлом во 159 году осенью по полой воде послал он, Михайло, служилых и промышленых людей девять человек вниз Анандыру вниз реки к анаулям. И те иноземцы анаули тех служилых и промышленых людей побили всех, а сами они сбежали вниз Анандыру реки далеко и с государевым ясаком к ясачному зимовью не пришли. И мы ходили к ним, анаулям, вниз Анандыру реки. А у них сделан острожек. И мы их из острожку вызывали, чтоб они государю вину свою принесли и ясак бы государев с себя дали. И они, анаули, стали с нами дратца. И как нам бог помог взять первую крайнюю юрту, и на острожек взошли, и мы с ними бились на острожке ручным боем, друг за друга имаясь руками. И у них, анаулей, на острожке норовлено готовой бой: колье и топоры сажены на долгие деревья да и ножи, потому что за убийство руских людей ждали они на себя руских людей.

И убили они у нас служилого человека Суханка Прокопьева, да трех человек промышленых: Путилка Афанасьева, Евтушку Материка, Кирилка Проклова. Да служилых людей Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку (и он, Пашко, немочен был всю зиму), да Артюшку солдатка ранили из лука в лоб, да промышленых людей Терешку Микитина ранили из лука в переносье, да Фомку Семенова, да Титка Семенова на съемном бою изранили кольем.

И бог нам помог тот их острожек взять и их, анаулей, смирить ратным боем. А для государева ясаку взяли мы лучшего мужика Когюю, а тот Когюня и с родниками сказали, что «прежде сего мы государева ясаку с себя не плачивали». И тех прежних анаулских аманатов отцы их Каллик и Обый с родниками своими по прежним своим угодьям стали жить по старому.

И пришед на них анаулской же мужик Мекерко с род-

никами своими летом тайным обычаем, тех аманатов отцов побили и всех родников их на смерть. И в прошлом 160 году месяца ноября тот же Мекерка с родниками, тайным же обычаем пришед, и Когюю и родников его всех побил на смерть же и....их. И декабря в 7 день анаулской аманат Колупай да родник его Лок били челом государю, чтобы их государь пожаловал, шли б на того

Мекерку мы служилые люди и промышленые, и их бы смирили ратным боем, что «побил де он, Мекерка, отца и родников наших, а вперед де он, Мекерка, тем же обычаем и вас государевых служивых и промышленных людей, хочет побивать». И Семен Мотора и я, Семейка Дежнев, с товарыщи на того Мекерка с родниками в поход ходили и призывали его, Мекерку, под государеву царскую высокую руку. И он, Мекерка, с родниками учинился не послужен и стали нас стрелять, и убили служивого че-

ловека Семена Мотору, а служивого Пашка Кокоулина ранили в плечо и в стегно из лука, да Федотка Ветошку из лука ж ранили в колено, да промышленого человека Стенку Сидорова из лука ж ранили в руку. И мы жен и детей их всех поимали, а он, Мекерка, с родниками ушли, иные ранены.

И торговой человек Онисимко Костромин и промышленые люди Васка Бугор с товарыщи били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а челобитную подали за руками нам, Семейке и Микитке, чтоб нам быть у твоей государевы казны, и у аманатов, и у всяких государевых дел по наказной памяти, которая дана на Колыме реке от сына боярского Василья Власьева да целовалника Кирила Коткина Семену Моторе, и их промышленых людей ведать нам, Семейке и Микитке.

Да во 159 году, генваря в 12 день шли от нас с низу Анандыру товарыщи наши промышленые люди Мишка Захаров да гостиной сотни торгового человека Василья Гусельникова приказчиков его Безсонка Астафьева да Офонки Андреева покрученик их Ефимко Меркурьев Мезеня, да Петрушка Михайлов, Фомка Семенов в верх Анандыру реки, в ясачное зимовье, ко государеву аманату Чекчю и к товарыщем нашим к Семену Моторе с товарыщи с кормом и с одеженком и со всяким борошишком. А те наши товарыщи, живучи у государевы казны и у аманата, помирали голодною смертию, кормились корою кедровою, а что было небольшое место свежей рыбы, и то пасли и кормили помаленку государева аманата, чтоб ему, с нужи оцынжав, не помереть, и нам бы за то от государя в опале и в казне не быть.

И послыша то Михайло Стадухин, что идут в ясачное зимовье товарыщи наши, и он, Михайло, переняв на дороге, товарыщев наших пограбил, корм, и оружье, и платье, и собаки, и нарты, и всякой борошень и завод сильно взяли, а их, товарыщев наших, били. И в том у них бою и грабеже изветные челобитные поданы до умертвия; а во 160 году под того аманата Чекчоя взяли государева ясаку...

И того ж 160 году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анандыру реки корга, за губою вышла в море, а на той корге много вылягает морской зверь морж, и на той же корге заморной зуб зверя того. И мы, служилые и про-

мышленые люди, того зверя промышляли и заморной зуб брали; а зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на пол версты и больше места, а в гору сажен на тридцать и на сорок; а весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу; а потому всего зверя на землю не выжидали, что ясачное зимовье вверху Анандыри реки и рыбные ловли высоко в шиверах, а корму у нас нет, и того б рыбного промыслу не проходить и не опоздать, и голодною смертью не помереть бы.

А на ... пришли 160 году канун Петрова дня и Павлова, верховых апостол, а с корги мы пошли вверх по Анандырю июля в 17 день. А зверей промышлять ходили четырежды, и зверь прилегает скоро на землю. А во 162 году зверь вылегал пожже, первой промысл был о Ильине дни; а потому вылегал пожже, что льды от берегу не отнесло. А которые промышленые люди поморцы, и они сказывают, что в Руском де Поморье столь много зверя того нет. А положили мы в государеву казну, служилые и промышленые, того рыбья зубу весом три пуда, а числом четырнадцать.

А во 161 году мы, Семейка и Микитка с товарыщи, лес добыли, а хотели с государевою казною отпустить морем в Якутцкой острог; и яз, Семейка, с товарыщи то ведаем, что море большое и сулои великие о землю близко, без доброй снасти судовой, и без доброго паруса, и якоря итти не смели. И иноземцы говорят: не по вся де годы льды от берегов относит в море. А горою через камень государевы казны с невеликими людми через многие неясачные люди розных родов выслать не смели, потому что служивые и промышленые люди на государевых службах побиты, а иные промышленые люди отошли к Михайлу Стадухину: Матюшка Кальян, Калинко Куропот, Семейка Зайко, Богдашко Анисимов, а кто для чего ушел, и тому записка покойного Семена Моторы, а с записки список под сею отпискою.

Да в прошлом во 161 году ходили мы в поход на неясачных людей чуванзей. И они, люди оленные, сами ушли и жен и детей увезли. А которые были робята небольшие, и они, после того скопяся, многие люди, и тех робят отбили, да служивого человека Ивашка Пуляева убили, да четырех человек промышленых: Мишку Захарова (да гостиной сотни торгового человека Василья Гусельникова, приказчиков его Филку Данилова ранили

в плечо, да Васку Маркова в стегно, Платка Иванова в руку), покрученника Ефимка Меркульева Мезеню, Ивашка Нестерова, Фомку Кузмина. И потому та государева казна не выслана, чтоб она не утерялась, и царскому бы величеству в иноземцах поносу не учинить и служивые б и промышленые люди не погибли.

А в прошлом во 162 году, зимою и весною, ясачные люди ходынцы, аманата Чекчоя братья и родники их, говорили, что де «во 163 году перевезем де государеву казну всю через камень на оленях на Анюй реку, только де родником нашим дадите ль железа всякого делного?» И того ж 162 году апреля в 27 день с Колыми реки пришел охочей служивой человек Юрья Селиверстов, а с ним охочие служилые и промышленые люди. И тех ясачных иноземцев, Чокчоевых родников, он, Юрья, дошед к ним от ясачного зимовья во днище или как те иноземцы многие приходили в ясачное зимовье по вся дни, и он, Юрья, обошед ясачное зимовье, тех иноземцев разгромил, корм и всякой их промышленой завод поимал, а самих их иных ранил и на смерть убил, и в аманаты взял ясачного мужика Лулаи и брата его родного Чокчоева Кеоту.

Да того ж 162 году он, Юрей, отходя к морю, при себе изготавил с отисками в Якуцкой острог промышленного человека Аверку Мартемьянова от нас тайно, засти ради не хотя он, Юрья, нас, холопей и сирот государевых, видеть в его царском милостивом призрене. А сам он, Юрья, нашею службою и происком хочет быть в государеве жалованье. Писал де он, Юрья, в Якуцкой острог, что ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того приискал он, Юрья, преж сего, как был с Михайлом Стадухиным, а не мы служивые и промышленые люди. И то он писал ложно, потому, знатно, что в прошлом во 158 году писал с Колымы реки Михайло Стадухин: ходил де он, Михайло, с товарыщи с Колымы реки морем вперед на Погычу реку; и он, Михайло, бежал де по морю семеры сутки, а реки де не дошли никакой; нашол де он, Михайло, коряцких людей неболших и языков де переимал; а нароспросе языки людей впереде сказали, а реки де впереде не знают никакой; и он, Михайло, с товарыщи и с беглыми служивыми людми воротились на Колыму реку; и он, Юрья, был с ним же, Михайлом.

И что он, Юрья, писал ложно, потому что не доходил он, Михайло, до Большого каменного носу, а тот нос вы-

шел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того ж носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных. А не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Большой нос мы, Семейка с товарыщи, знаем, потому что розбило у того носу судно служивого человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы, Семейка с товарыщи, тех розбойных людей имали на свои суды и тех зубатых людей на острову видели ж. А от того носу та Анандырь река и корга далеко.

Да мы ж, Семейка и Микитка, с товарыщи, с служивыми и промышленными людми, для государевы службы дали ему, Юрью, с товарыщи два судна, сделаные готовые кочи, со всею счастью... и карбас, чтоб у них государева служба, без судов и без счасти в год не застоялась и путем бы не испоздать к морскому промыслу, и чтоб государеве казне учинилась прибыль большая. А приняв суды, он, Юрья, сам смотрил и людей и товарыщев своих досматривать посыпал, и те суды к морскому ходу... А в тех судах и в счасте и в карбасе он, Юрья, нам и отпись дал. И он, Юрья, одно судно потерял своим небереженьем, опоздав поры гораздо, к тому судну послал невеликих людей, а под то судно с горы вода подошла, и круг жить стало не можно, и то судно он, Юрья, покинул. И мы тех его, Юрьевых, товарыщев, которым было быть на том судне, розняли их по иным своим судам; и пошол он, Юрья, к тому морскому промыслу с нами вместе.

Да того ж 162 году апреля в 10 день взяли мы для государева ясаку из неясачных людей чуванзей два мужика, одному имя Легонта, а другому Пондонзя, а взято с них государева ясаку соболь да пластина соболья. А иные родники их, которые с теми ходынскими ясачными людьми, которых он, Юрья, громил, вместе были, хотели притти с государевым ясаком в ясачное зимовье, детей своих в перемену привести; и они, от того Юрьева потрому убояся, отошли к иным родникам своим вдали. А как он, Юрья, юрты взял, и он на юртах жил три недели.

Да в нынешнем во 163 году, как пришли в ясачное зимовье те иноземцы, ясачные люди аманата Чекчоя с братьями и с родниками своими, и мы у них про тех чуванзей спрашивали: «Для чего они с государевым ясаком в ясачное зимовье не пришли?» И Чекчой с братьями

сказали: «Видели де мы родников их невеликих людей две юрты, и они де пошли сыскивать иных своих родников, а хотели они быть с государевым ясаком вместе».

А тот Чекчой в нынешнем во 163 году ноября в 16 день послан был к родникам своим, чтоб они государевым ясаком промышляли и пришли б в ясачное зимовье. А оставлял он, Чекчой, в свое место в аманаты жену свою да двух робят, сынов своих. А пришел он, Чекчой, в ясачное зимовье с братьями и с родниками своими марта в 19 день и был челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а нам, Семейке и Микитке, с товарыщи подал челобитную, что «в нынешнем де во 163 году, осенью, приходили де из за камени от Пянжина реки многие немирные коряцкие люди, и наших де родников многих побили, да и нас де погромили, жен и детей наших поимали и оленей де отогнали, и всегда де нам от тех людей всякая обида и убийства и грабеж, и нам де те люди не в мочь; и чтоб их государь пожаловал, послал бы на тех людей своих государевых всяких служилых людей, с ними ясачными людьми вместе, и тех бы коряцких людей смирил; а мы де в нынешнем во 163 году для того государевым ясаком промыслить не могли и государевы казны за камень на Анюй реку не повезли, что де на нас в нынешнем году пало два погрома: один де от русских людей, от Юрья с товарыщи, а другой де от коряцких людей; а повезем де мы государеву казну и ясак де государев заплатим против прошлого 162 году вперед во 164 год и с прибылью».

Да прошлого ж 162 году, на корге ходили мы на коряцких людей, что от той корги живут недалеко и на коргу под нас тайно убийства для приходят, и зверя морского моржа промышляют для корму. И мы — яз, Семейка с товарыщи, на них ходили, и дошли их четырнадцать юрт в крепком острожке, и бог нам помог, тех людей разгромили всех, и жен их и детей у них поимали. А сами они ушли, и жен и детей лучшие мужики увили, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти; а мы были люди невеликие, всех нас было двенадцать человек. А на той драке того ж Пашка ранили из лука, а он убил мужика из пищали в висок.

А река Анандырь не лесна и соболей по ней мало, с вершины малой листвяк днищей на шесть или на семь. А иного черного лесу нет никакого, кроме березнеку и осинника. И от Малого Маена кроме талника нет лесу

никакого. А от берегов лесу не широко, все тундра да камень. А той реки Анандыре чертеж с Онюя реки и за камень на вершину Анандыру, и которые реки впали большие и малые, и до моря и до той корги, где вылягает зверь. А ходу с вершины Анандыру до ясачного зимовья с камени грузными нартами недели две или больше.

А государевых всяких дел писать не на чом, бумаги писчей нет... и чтоб государь нас пожаловал своим государевым аманатом для рыбной ловли, сетями нового заводу на мережы и на пущалницы. А большой промысел здесь пущалницами, потому что река каменная, крутая, коли бывает осень дождлива, и той осени езов у нас не живет, что вода велика. А рыбы красной приходит много, и та рыба внизу Анандыру от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыру реки, а назад к морю не выплывает. А белой рыбы добываем мы мало, потому что сетей добрых у нас нет, емлем мы новые сети ценою в долг рублей по пятнадцати и болши. А государевых аманатов тою красною рыбую кормить мы не смеем потому, чтоб им, с того нужного корму оцынжав, не помереть и нам бы от государя за то в опале и в казне не быть. А пасем мы им и кормим потолику белою рыбую. А людей у нас заводных пришло мало, платным и сетяным и всяким заводом должитца не у кого.

А государева ясачного сбору со 158 году и всего, что и выше сего писано, на 158 год взято государева ясаку под аманата Чекчоя девять соболей. А во 159 году того аманата Чекчоя братья и родники его не приходили к ясачному зимовью, потому что де корму не было и они де розошлися вдаль по промыслом. А на 160 год взято под того аманата государева ясаку шесть соболей да пять пластин собольих, а на 161 взято семь соболей да пять пластин, а на 162 год взято государева ясаку четырнадцать соболей да двенадцать пластин собольих, а на 163 год взято семь соболей. Да с анаул взято на 160 год два соболя. Да во 161 году с промышленых людей, с их промыслов, собрано десятиной соболиной казны восемь соболей с пупки, да с судных дел за пошлины деньги два соболя да пластина соболья да тринадцать пупков собольих. А во 163 году собрано десятинных три соболи да пупок, а за пошлины деньги с судных дел взято пять соболей да три пупка собольи. А денежного сбору всего у нас два рубли четырнадцать алтын

две денги. Да покойного Семена Моторы денежного сбору два рубли двадцать девять алтын две денги. Да 162 году за пошлинные денги взято соболь. А тому ясачному сбору с кого что взято, каков зверь, и которого году, и десятинному сбору, и с перекупных соболей, и по челобитным за пошлинные денги, что взято соболми и денги — и тому всему книги у нас на Анандыре реке в ясачном зимовье.

Да служивой человек Иван Пуляев убит на государеве службе, а изустную память оставил в ясачном зимовье своею рукою, что по смерти статки свои в государеву казну отписал. И мы те статки в государеву казну взяли; а что его статков, и то в его изустной памяти писано, а с той изустной памяти список с сею отпискою послан. А за ясырь его, Иванову, взято на промышленом человеке Сидорке Емельянове тридцать соболей; на Тренке Курсове за бабей кожан взято четыре соболи; на Пашке Кокоулине за холстишко старое, да за прядено за три пасма, за малахай недорослиной, за сумочку, за лоскутишко за сеть взято три соболи. За свечи взято из доимки пять соболей на Степанке Каканине. За ягоды, да за торбосы, да за огниво взято пластина соболья на Гришке Бурке. За лодку взят соболь да две гривны денег на Сидорке Емельянове. За лоскут за сеть взято две гривны на служивом человеке Васке Бугре. За икру да за мясо взято четыре соболишка на Васке Маркове. За штаны ровдужные, да за таушканину, да за лоскутишко за сеть взята пластина соболья на Сидорке ж. По кабале за четырнадцать соболей взято пуд кости, семь зубов, да три соболи на служилом Ивашке Яковлеве; да за восемь рублей за десять алтын взято тридцать три фунта рыбья зубу, а взято на нем за одеяло шубное за три рубли, да за котел, да за десять чиров за пять рублей за десять алтын. ... на Семейку Дежнева кабала во шти рублях, а взял он топор, да собаку, да сетку волосянную. Торговой человек Анисимко Костромин взял лоскут сети, да ровгуду, два фунта свинцу, блюдо оловяное, пистолет, плат холщевой да клуб, кабала на него взята в семи рублях с полугривною. На Андрюшке салдатке за крест, да за десять... да за сеть за мережную, да за сковороду взята на нем кабала в трех рублях в двадцати алтынех. На Семейке Дежневе за фунт за свинец, да за два клубка нитей, да за иглы, за прядено, да за платок полотняной, да за собаку взята кабала в четырех рублях. На Фе-

дотке Ветошке с подпищиками за двадцать чиров, за фунт за свинец, за ладан, за холст за два алтына, за шапку (вершек красной с околом), за клуб, за тетивы пушальничные взята кабала в восми рублях в двадцати девяти алтынех. А его, Ивана, кости рыбья зубу осталось шесть пуд, а числом сорок три кости, а иной всякой мелочи с его руки с изустной послана перепись.

Да во 159 году февраля в 1 день промышленые люди Платонка Иванов да Пашко Семенов, пришед в ясачное зимовье к Семену Моторе с товарыщи, извещали Семену на Михайла Стадухина, что де он, Михайло, хочет своим войском итти к его, Семенову, зимовью и хочет де разграбить, а служилых людей побить; и они де, Платко и Павел, того не хотя, от него, Михайла, отошли. А те их речи записал промышленой человек Ивашко Федоров Казанец, а в их места к речам руку приложил служивой Евсевейко Павлов. А та их записка не послана ж, а послан с той записки список.

И тот Ивашко Казанец и Евсевейко Павлов пришли от него ж, Михайла, и челобитные подали к нам, что служить государева служба им с нами. И в прошлом во 162 году, как пошли мы к морю, и тот Евсевей с караулу от государевы казны и от аманатовшел служить государеву службу к охочему служивому человеку к Юрью Селиверстову. А служивой же Васка Бугор пришел к нам от него ж, Михайла, и служил государеву службу с нами, без челобитной, всякую рядовую, аманатов имал, и в корму, и в карауле; а пришел он на Анандыре того же 159 февраля в... день.

А как ходили вверху Анию реки в поход и взяли государева аманата Чекчоя. А на той драке пятидесятника Шалама Иванова ранили смертою раною, а помер он на Анандыре реке того ж году июля в 5 день. А Титка Семенова ранили из лука в стегно. Да служивой человек Ветошка на той драке убил мужика, да промышленной Васка Бугор убил мужика ж. А как имали анаулские юрты, и на той драке Пашка Кокоулина, служивого, ранили в голову и в руку; а он, Пашко, откасом мужика сколол. Да Тренку Курсова ранили в руку из лука. А в прошлом во 162 году на море с корги на коряцких людей ходили, и на той драке яз, Семейка, убил из пищали мужика, да на той же драке Пашка Кокоулина ранили из лука в бок; а он, Пашко, убил из пищали мужика.

Да во 161 году маия в 3 день, на Анандыре реке в ясачном зимовье мы, служилые люди — яз, Семейка Дежнев, да яз, Микитка Семенов, прошли у торгового человека у Онисимка Костромина да у промышленых у Васки Бугра с товарыщи к государевој ясачной и десятинной соболиной казне, на место убитого служивого человека Ивашка Пуляева, целовалника. И они в целовалнике отказали, не дали.

Да торгового человека гостиной сотни Василья Гуселникова прикащиков его покрученника покойного Елфимка Меркульева Мезени статки его мы пересмотрели и переписали на лицо при людях. И никто за те статки не принял, и мы их без государева указу в государеву казну не взяли, и положили их в казенной анбар и караулим их до государева указу, и о тех статках как государь укажет. А роспись тем статкам с сею же отпискою.

Да в нынешнем во 163 году марта в 25 день в ясачном зимовье посылали мы с государевою казною служилых и промышленых людей в Якутской острог. И они поднятца с государевою казною не могли, «потому что де мы голодны, кормом нужны, едим де мы заморную рыбу киту», в том они и челобитную подали, за руками.

Да в нынешнем во 163 году марта в 26 день в ясачном зимовье охочей служивой человек Юрья Селиверстов прочитал наказную память, которая послана к Михайлу Стадухину. А велено ему, Михайлу, по той наказной памяти, с Анандырь реки выслать служивых людей Семена Мотору с товарыщи, да торгового человека Анисимка Костромина, да промышленого человека Ивана Бугра с товарыщи. И яз, Семейка, от государевы казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государеву службу с ними вместе, и что есть государеву казны в сборе, и мы тое государеву казну и отпровадим вместе.

Да роспись, у кого сколько явлено кости рыбья зубу 160 году промыслу да 162 году промыслу, послана под сею отпискою; челобитная служилых и промышленых людей Федотка Ветошки да Онисимка Костромина с товарыщи об нужах послана ж; другая их же челобитная на Митку Васильева послана ж; челобитная служивого человека Микитки Семенова послана ж; челобитная служивых людей Пашка Кокоулина да Митки Васильева об нужах послана ж. Челобитная изветная охочего служивого промышленого человека Данилка Филипова, которой пришел на Анадырь с Юрьем Селиверстовым с

охочим служивым, что сказал он, Данилко, государево дело на него, Юрья, послана ж под сею отпискою.

Да 163 году февраля в 10 день мы, Семейка да Микитка, сказали им, служилым и промышленым людем, чтоб им итти с государевою казною, и они сказали: «Дайте де вы нам подумать до марта в 25 день». Мы же, Семейка и Микитка, говорили в другой ряд служивым и промышленным людем, чтоб итти до светлого воскресенья за две недели. И служивой Ветошкой Емельянов говорил: «Станите де вы меня изгонять, и яз де отойду к Юрью Селиверстову, а казны де мне волотчи не можно». И служивой Салдатко говорил, и промышленые люди Онисимко Костромин да Васка Бугор с товарыщи стали говорить: «Будет де у нас челобитная, за руками, об нуже своей и о кормовой скудости». А Митка говорил: «Я де...». И мы с той поры стали писать отписки, потому что говорили: «Напишите де вы отписки в Якутской острог, а мы подадим челобитную. Повольте де вы нам ноне итти с отписками, а нашу челобитную пошлите под отпискою в Якутской острог». И как служивые и промышленые люди написали челобитную, и Митка узнал, что у нас отписки писаны, а бумаги стало толко; и он, Митка, Евсевейковым наученьем и своим умышленьем, стал говорить: «Я де вам в службе не отказывал, тяну де я казну государеву, время испоздав». А железа на подарки иноземцом у нас нет и бумаги у нас писчей нет же.

Да нынешняго 163 году ноября в 21 день взяли мы государева ясаку с ходынского мужика Кеото да с брата его Лулания с охочим служивом человеком с Юрьем Селиверстовым вместе пять пластин собольих, и всякую мы государеву службу служим с ним, Юрьем, вместе. Да в нынешнем же во 163 году марта в 22 день взяли мы в аманаты, для государева ясаку, ходынского мужика, именем Меягин, сына его родного с ним же, Юрьем Селиверстовым, вместе. А ясаку у него на нынешней 163 год не взято, потому что тот аманат взят поздо. А сказывают аманаты, что де отец у него доброй мужик.

Да в вожах пошел от нас с теми людми, с Сидорком Емельяновым да с Панфилком Лаврентьевым, тот же аманат Чекчой, а в свое место он, Чекчой, оставил. А тот Сидорко и Панфил посланы с отписками до Колымы реки, а на Колыме реке велено те отписки отдать служилым людем или торговым и промышленным, кто будет ходоков. А отписки посланы апреля в 4 день.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии воеводе Ивану Павловичю да дьяку Осипу Степановичю Ленского острогу служилой человек Семейка Иванов Дежнев челом бьет.

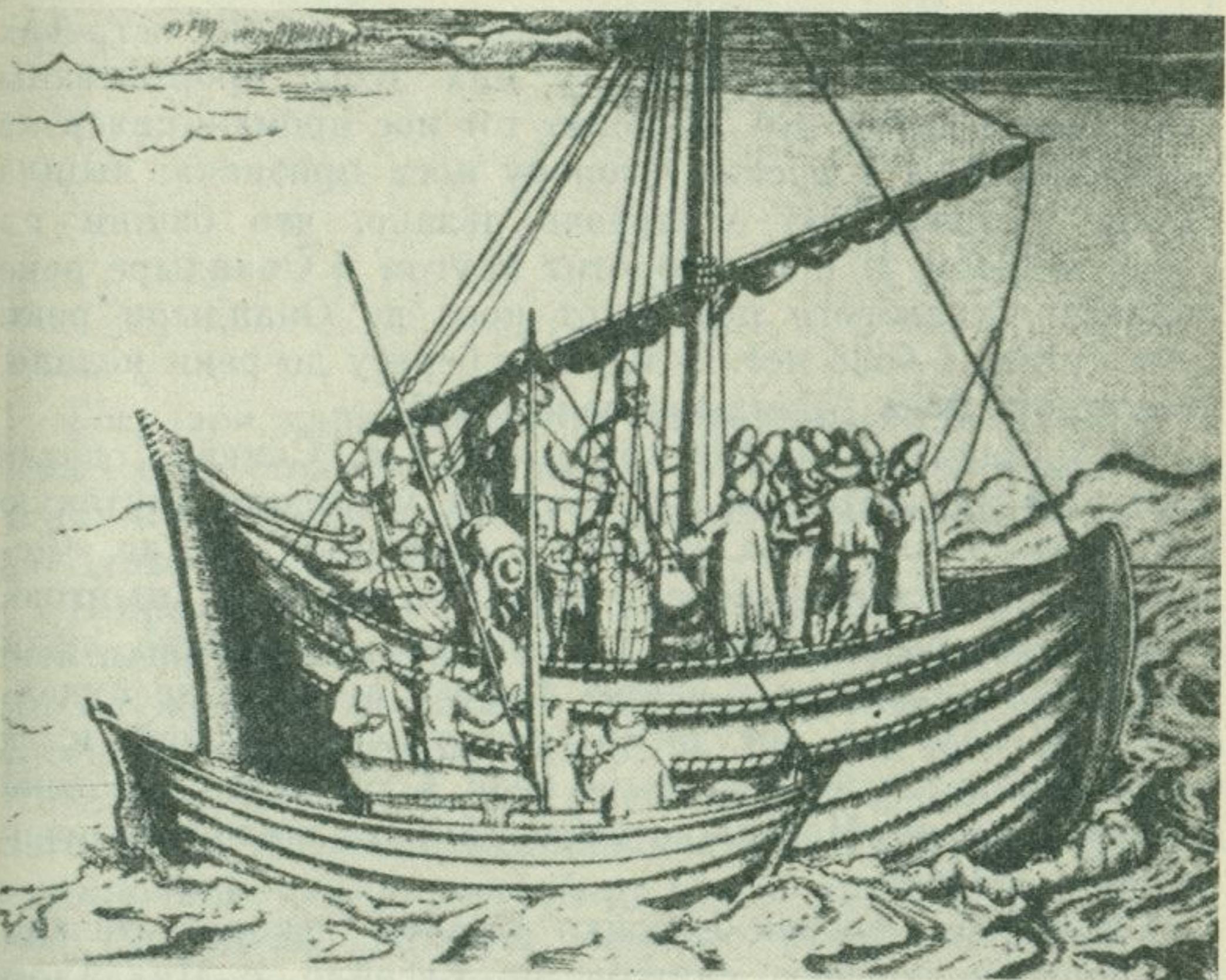
В прошлом во 156 году июня в 20 день с Ковыми реки послан я, Семейка, на новую реку на Анандырь для приску новых неясачных людей. И в прошлом же во 157 году месяца сентября в 20 день, идучи с Ковыми реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева чухочи люди на драке ранили, и того Федота со мною, Семейкою, на море рознесло без вести. И носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюда неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандырь реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарыщи до Анандыры реки ровно десять недель и попали на Анандырь реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы, бедные, врознь разбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек. И ходили двадцать ден, людей и агишниц, дорог иноземских, не видали. И воротились назад и, не дошед за три днища до стану, обновчались, почали в снегу ямы копать.

А с ними был промышленой человек Фомка Семенов Пермяк, учал им говорить, что де «тут нам ночевать нечего, пойдем де к стану к товарыщам». И с ним, Фомкою, только пошел промышленой человек Сидорко Емельянов да Ивашко Зырянин, а достальные люди тут остались, потому что с голоду итти не могут. А приказали ему, Фомке, чтоб де я, Семейка, послал им постелено спальное, и парки худые и «чем бы де нам напитатися и к стану добреши». И Фомка и Сидорко до стану дошли, и мне, Семейке, сказали. И я, Семейка, последнее свое постелено и одеялишко и ...¹ с ним, Фомкою, к ним на камень послал. И тех достальных людей на том месте не нашли, неведомо их иноземцы розвезли... А что статков записных прикащиков Безсона Астафьева и Офанасия Андреева осталось, и у тех статков оставлен был покрученик их Елфимко Меркурьев и приказано ему...

¹ В оригинале здесь и далее пропуск, по-видимому, неясного текста.

А в те поры у нас не было подьячих, записывать некому.

А осталось нас от двадцати пяти человек всего нас двенадцать человек. И пошли мы, двенадцать человек, в судах вверх по Анандыре реке, и шли до анаулских людей. И взяли два человека за боем, и ранили меня смертною раною. И ясак с них взяли, и то в ясачных книгах поимяновано, с кого что взято и что взято государева ясаку.

И больше того я, Семейка, у тех анаулских людей, что взял государева ясаку, хочу, и те анаулские люди говорили, что де «у нас соболя нет, живем де не у лесу, а приходят де к нам оленные люди, и те оленные люди придут, и мы де у них соболи купим и ясак государю принесем».

И пришел Михайло Стадухин, к ясачному зимовью не приворачивал и тех анаулских людей погромил. И после того анаулские люди Лок да Колупай ... на прошлые на 159 год и на 160 год дать нечево, потому что де отца его, Колупаева... В нынешнем же де во 163 году апреля в 15 день Колупай и Лок пошли на камень к оленным ходынским мужикам для соболиного торгу на государев ясак. И того Колупая и Лока те ходынские люди отвезли

на камень и к ясачному зимовью не бывали. И тот Лок живет по сторонним рекам, а к ясачному зимовью не бывал. А того Колупая те ходынцы убили. А в которую пору Лок и Колупай на камень ходили, и без них родников их побил анаулской князец Микера всех до смерти.

А с Ковымы реки итти морем на Анандыр реку есть нос, вышел в море далеко; а не тот нос, которой от Чухочы реки лежит, до того носу Михайло Стадухин не доходил. А против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб. А лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с рускою сторону носа признака: вышла речка, становье тут у чухочь сделано, что башни из кости китовой. И нос повернит кругом к Онандыре реке подлегло, а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет. А идти от берегу до реки недале, потому что река Анандыр пала в губу.

А в прошлом во 162 году, ходил я, Семейка, возле моря в поход, и отгомил я, Семейка, у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де «Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарыщи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю де куда». А что я, Семейка, государева ясаку взял соболей, и та соболиная казна на Анандыре реке. Служилого человека убитого Семена Моторы статки взял служилой человек Никита Семенов.

Служилой человек Евсейко Павлов, которой сбежал из Ленского острогу, служил он, Евсейко, с Михайлом Стадухиным, и от Михайла сбежал же и служил со мною, Семейкою; и от того Евсейка промышленым людем обида великая, и промышленые люди в обидах на него, Евсейка, бьют челом; и он, Евсейко, под суд не даетца. В прошлом во 161 году, в походе, был челом на него, Евсейка, промышленой человек Терешка Никитин в обиде. И стал на суду говорить невежливо, о посох оперся, и я, Семейка, за то невежество хотел его, Евсейка, ударить батагом. И он, Евсейка, из стана побежал к ясаулу Ветошке Емельянову и промышленым людем, сказал за собою государево дело. А как пришел Юрья Селиверстов, и он, Евсейко, перешел убегом к нему, Юрью. И от того Евсейка Павлова меж служилыми и промышленными великая смута.

Отписка Андрея Булыгина о походе на побережье Охотского моря

Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да диаку Федору Васильевичю сынчишко боярской Ондрюшка Булыгин челом бьет.

В прошлом во 161-м году по государеву указу и по вашей наказной памяти послан я, Ондрюшка, з государевыми служилыми людьми на государеву дальнюю службу на Ламу на Большее море акиян, на Улью, и на Охту, и на Нию, и на Мотыхлей реки для государева, царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии ясачново и поминочново соболиного збору и для прииску и приводу под государеву царскую высокую руку неясачных немирных иноземцов, тынгусов.

И в прошлом во 162-м году за Ламской волок с служилыми людьми и з государевою казною на Улкан реку дал бог здорово перешли, и на Улкане для государевы службы морского ходу кочи сделали, и с великою нужею чють живы на море выплыли, и морем шли до Ульи реки З недели. И на Улье заехал яз, Ондрюшка, тех...¹ ных Семена Епишева да Бориса Оноховского с служилыми людьми...

И я, Ондрюшка, на Улье принял у Бориса Оноховского государевы казны хлебных запасов и подарочных товаров, и пищалей, и куяков, и зелья, и аманатов: 2 пуда с четью муки ржаной, 9 пищалей, 34 куяка, 2 пансыря ветхие, 4 наручни битые, 8 гриненок железа, 10 фунтов пороха,

¹ В оригинале здесь и далее утрата текста.

5 фунт свинцу, 2 пуда 3 гривенки меди зеленые, да 7 человек аманатов — 2 человека юнюгирского рода имянем Бундуга да Мундуга, да люлюгирского рода имянем Кангут, кугтугирского рода Илдега, чагчагирского рода Капнага, шелонского рода Лека, да книги 7-ми годов. И принял я, Ондрюшка, у него, Бориса, государеву казну и аманатов и с Ульи реки пошел с служилыми людьми морем, и со мною пошел пятидесятник Борис Оноховской с служилыми людьми 34 человека. И как я буду с служилыми людьми на усть Урака реки, и меня, Ондрюшку, с служилыми людьми морем разбило, и государево жалованье хлебные запасы и свинцы, и порохи, казачьи оклады — все притонуло, и сами одва не погибли... И взяв аманата, и с Урака рекишел я, Ондрюшка, с служилыми людьми морем до усть Охоты реки шел судки, июня в 25 день на Охоту вошли и станы поставили...

И после того я, Ондрюшка, с служилыми людьми из Борисовыми полчаны на Охоте реке острог поставили мерою в длину 20 сажен, а поперег 10 сажен...

Да в нынешнем же во 163-м году генваря в 10 день по государеву указу с Охоты реки из ясачного острожку ходил я, Ондрюшка, на государеву службу [с] служилыми людьми зимним путем на нартах на новые сторонные реки на неясачных людей на Улбей и на Нию, где бы государю прибыль учинить. Да со мною ж, Ондрюшкою, ходил пятидесятник Борис Оноховской своими полчаны...

А послал я, Ондрюшка, к вам в Якутской острог государевы казны ясачново збору 6 сороков 24 соболи да лисицы чернобурую вешную, да лисицу сиводущатую, да напольник соболей, а в нем 5 пластин, что собрано в нынешнем во 163-м году. И тому государеву ясачному збору книги за мою, Андрюшкиною, и целовальника Данилка Толмачева за руками. А с которого что роду взято государева ясаку, и то писано в ясачных книгах...

Да служилой человек Васька Филиппов помер своею смертью, а борошишку у него ничего не осталось, а пищаль он, Васька, отдал при себе служилому человеку Микитке Савельеву. Да служилой человек Лаврушка Хомяков помер, а пищаль его взял в государеву казну, а иного ничего у него не осталось...

Да взял я, Ондрюшка, на Улье у Бориса Оноховского государевых судовых старых варовых снастей и привозу прежних приказных для государевы службы морского ходу де 5 якорей, один якорь без лапы, потому что судовые

снасти на Улкане, на шиверах, и на порогах привало<...>¹

Да на Охоте в новом ясачном острожке у государева анбара и у острожных ворот, и у аманатцкой казенки, и у ножных желез замков нет, а купить на государев обиход негде. И как будет перемена, и замков на государев обиход надобно с лишком. Да марта в 2 день служилой человек Зинка Васильев был чelом государю, а мне, Ондрюшке, в отпуске в Якутской острог подал челобитную, и я тое челобитную послал под сею отпискою в Якутской острог. Да в нынешнем же во 163-м году февраля в 26 день в Охотском острожке служилые люди моего, Андрюшкина, полку били чelом государю, а в судной избе мне, Ондрюшке, подали об своих нужах 2 челобитные за их руками. Да служилой человек Онтонко Андреев подал мне явочную челобитную на пятидесятника на Бориса Оноховского, и я, Ондрюшка, у них, служилых людей, те челобитные и явку принял и, приняв, послал под сею отпискою к вам в Якутской острог. Да служилые ж люди моего, Андрюшкина, полку били чelом государю, а мне, Ондрюшке, подали чelобитную, чтоб их государь пожаловал, велел им дать свой государев парус для нужи в роздачю врознь на рубашки. И я, Ондрюшка, против их челобитья для их бедности в их оклады парус врознь раздал, и в том у них, служилых людей, холсту имал отписи. И тое челобитную и отписи послал к вам в Якутской острог. Да в нынешнем же во 163-м году служилые люди моего, Андрюшкина, полку десятники Тимошка Ливенец да Микитка Прокопьев, да Баженко Федоров с товарыщи, которы посланы за государево соболиною казною, в судной избе били чelом государю, а мне, Ондрюшке, подали челобитную о судовых старых снастех и об якорех. И я у них тое челобитную, принял, послал под сею отпискою в Якутской острог.

Да в нынешнем же во 163-м году на государеве службе вверх по Охоте и на Ураке, и на Ульбе, и на Ине реках вновь аманатов изымал и под государеву царскую высокую руку по их вере к шерте их привели, чтоб они впредь государю были покорны в вечном холопстве.

Да в нынешнем же во 163-м году марта в 8 день отпустил из Охотского острогу к вам, в Якутской острог, государеву ясачную казну: 6 сороков 24 соболя в косках с

¹ Далее опущено изложение решений судной избы Охотского острожка по незначительным спорным делам, возникавшим между служилыми людьми.

хвосты, да лисицу чернобурую вешную, да лисицу сиво-дущатую, да польник соболей, а в нем 5 пластин. А за тою государевою соболиною казною послал я, Ондрюшка, служилых людей десятников Тимошку Кирилова Ливинца, да Микитку Прокопьеву, да Баженка Федорова, да рядовых с ними служилых людей 13 человек — Онтонко Андреев, Софонко Симанов, Матюшка Прошутина, Гришка Иванов, Омелька Мартемьянов, Исачко Вахромеев, Ивашко Черкас, Кирилко Филов, Володька Отлас, Силка Михайлов, Ивашко Кондратьев, Куземка Константинов, Семейка Шехирев. Да марта в 1 день был челом государю, а мне, Ондрюшке, в судной избе подал челобитную служилой человек Афонька Курбатов, что он, Афонька, на государеве службе на иноземском приступе ранен, чють жив был. А в челобитной ево написано, чтоб ево государь пожаловал, велел ему государевою службою поменятца, за государевою соболиною казною в его место иттить служилому человеку Баженку Федорову. И я, Ондрюшка, для ево смертных ран в его место послал в Якутской ево, Баженка, за государевою казною. Да служилые люди пятидесятники Борис Оноховской и мои, Ондрюшкины, полчане били челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел дать старово аманата Борисова приему кугтуирского рода Илдегу иттить в Якутской вожем на Юдому через хребет. И я им по их челобитью това аманата кугтуирского рода Илдегу выжидал, а он, Илдега, мне, Ондрюшке, сказал, «ясак де государев под меня родники мои станут платить государю на Mae реке в Верхнем зимовье, а здеся де на Охоте ясаку под меня платить некому», родники ево от Охоты житья удалели.

Сказки Владимира Атласова о путешествии на Камчатку

I

208 году, июня в 3 день, явился в Якутском в приказной избе, перед стольником и воеводою Дорофеем Афанасьевичем Траурнихтом да перед дьяком Максимом Романовым якутский пятидесятник казачей Володимер Отласов и сказал:

«В прошлом в 203 году, по указу великого государя, послан был он, Володимер, со служилыми людьми за Нос в Анандырское зимовье, для государева ясачного сбору. И собрав казну великого государя в Анандырском с ясачных юкагирей на 205 год, выслан в Якутский город съ служилыми людьми. И после ясачного платежу, в том же 205 году, по наказной памяти, пошел он, Володимер, из Анандырского на службу великого государя для прииску новых землиц и для призыва под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокодержавною рукою в ясачном платеже не бывали. А служилых де и промышленных людей ходило с ним, Володимером, 60 человек, да для соболиного промыслу Анандырских ясачных юкагирей 60 человек.

И шли де они из Анандырского через великие горы на оленях полтрети недели, и наехали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и Каменном и в Усть-Пенжинском острожках неясачных седячих пеших коряк человек ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якутской с служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи.

А бою де у них с нами не было, потому что по государской участе учинились они неясашные коряки покорны.

А ружье де у них — луки и копье, и начального человека они над собою не знают, а слушают которой у них есть богатой мужик. А товары де надобны им — железо; ножи и топоры и палмы, потому что у них железо не родитца. А соболей де у них на устье Пенжину реки нет, а питаются они рыбью, и аманатов не держатца.

И от тех де острогов поехал он, Володимер, с служилыми людьми в Камчатской нос, и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатского носа, по сказкам иноземцев — вожей, пошли они через высокую гору и пришед к Люторским острогам, к иноземцам к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом, и призвав их немногих людей и в ясак писал с них лисицы. А промышляют де они те лисицы себе на одежду близъ юрт своих, а соболи де от них по горам недалече белые, и соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают. И русские люди у них преж ево, Володимира, с товарищи никто не бывали, для того они соболей не промышляли. И бою де у них с нами никакова не было, а ружье де у них — луки и стрелы костенные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново — ножей и палем и копей — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатца ж.

И от того острожка отпустил он, Володимер, 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторское море для проведыванья той земли и островов, для призыва под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежем. А сам де он, Володимер, с достальными служилыми людьми и юкагирами пошли подле Пенжинское море в Камчатке и к иным рекам.

И недошед Камчатки реки, наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласково их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де, Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил.

И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к роднику своим к Оме с родниками юкагири Позделя, и велел им их, Володимера с товарищи, побить, и отнюдь бы их, Володимера с товарищи, не слушали, а он де Почина с родниками своими русским людем не спустит — побьет их всех. И после того пришед они к Анандырскому острогу, хотели взять и служилых людей

побить. И пронеслась де та речь от них же, юкагирей, и по тому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него, Володимера, в сторону и пришед сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжной след. И он, Володимер, для подлинного проведыванья послал с ними служилых людей 4 человек; и он, Ома, с родниками, отведя их, казаков, от него обманом, следу им не оказал, и заночевались. И ночною порою 3 человек казаков убил до смерти, а родник де их Еремка Тугуланов на четвертого человека на Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они, юкагири, ево, Яшку, в 4-х местах изранили. И послал он, Еремка, к ним, Володимеру с товарищи, родника своего со знаменем с наушками, и велел ему про убийство сказать. И родник ево им про убийство не известил, и совестясь с родниками своими с Омою с товарищи послал их, чтоб они их побили.

И они, Ома с родниками, на Палане реке великому государю изменили, и за ним, Володимиром, пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять, и 3 человека казаков убили, и его Володимера, во шти местах ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек переранили. И божию милостию и государевым счастием они, служилые, справились и их, иноземцов, от себя отбили, и сели в осаде, и послали к товарищем своим служилым людем с ведомостью юкагиря, и те служилые люди к ним пришли и из осады их выручили.

И услыша изменники родники от коряк весть, что родник их Почина с родниками товарищев ево, служилых людей, обманом побить не могли,— многие учали быть покорны. И он де, Володимер, на Кыгыле реке дал им страсть — бил батоги. А изменники де Ома от них ушли.

И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтобы ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут? И он де, Володимер, по челобитью их с Кыгыла реки, взяв вожев дву человек, пошел съ служилыми людьми и с остальными ясачными юкагири, которые не в измене, подле море, на оленях, и дошел на Камчатку реку.

И наехали 4 острога, а около тех острогов юрт ста с четыре и боле, и подозвал их под царскую высокодержав-

ную руку, и ясак с них вновь имал, а с кого имяны — подаст книги.

А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не оплачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастию русским людем они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они, Камчадальские иноземцы, стали ему, Володимиру с товарищи, говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтобы ему, Володимеру, с ними на тех иноземцев итти в поход и с ними их смирить, чтобы они жили в совете. И он де, Володимер, с служилыми людьми и с ясачными юкагиры и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де, камчадалов, в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они, камчадалы, великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де, Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтобы было им в страхе и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцев гораздо много — посады великие, юрт ста по три, и по 4, и по 5 сот, и больши есть. И оттоле пошел он, Володимер, назад по Камчатке в верх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они, камчадалы, ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и русских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуды поплыли по Камчатке, и у них де оленные коряки олени их хотели украдь, для того чтобы им, Володимеру с товарищи, великому государю служить было не на чём. И он де, Володимер, с служилыми людьми увиде их дорогу и следы, за ними погнались, и сунгав их у Пенжинского моря, поставили они с ними, служилыми людьми, бой, и бились день и ночь, и божию милостию и государевым счастием их, коряк, человек ста с

полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам.

И от того де места пошел он, Володимер, вперед подле Пенжинское море на Ичю реку. И услышал он, Володимер, с товарищи у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они, камчадалы, ево русаком. И он де, Володимер, велел ево привесть к себе, и камчадалы, боясь государской грозы, того полоненика привезли. И сказался тот полоненик ему, Володимеру: он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством. Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая ценная посуда. И у них де на одной бусе дерево сламило, и отнесло их в море, и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их 3 человек Курильского народа мужики, а достальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево 2 человека живучи у курилов померли, потому что они к их корму не привычны: кормятца де они, курила, гнилою рыбью и кореньем. И тот де индеец им, Володимеру с товарищи, — что они русково народа — обрадовался и сказал про себя, что он по своему грамоте умеет и был подъячим, и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он, Володимер, в Якутцкой. И взяв его он, Володимер, к себе и оставил на Иче реке у своего коша, с служилыми людьми.

А сам де он, Володимер, с служилыми людьми пошел подле Пенжинское море вперед. И послыша их приход оленные коряки с жилищ своих убежали вдали, и он де за ними гнался 6 недель. И мимо идучи на Нане, и на Гиги, и на Ники, и на Сиунчю, и на Харюзове реках неясашных камчадалов под царскую высокодержавную руку призывал и ясак с них ласкою и приветом имал, а с кого имяны — тому подаст книги.

И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугнали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они, коряки, учинались непослушны и пошли от них на побег, и он, Володимер, с товарищи их постигли, и они, иноземцы, стали с ними битца, и божию милостию и государевым счастием их, коряк, многих побили, и дома их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они курильских мужиков 6 острогов, а людей в них многое число, и их под царскую

высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились непослушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де, Володимер с товарищи, из тех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились,— побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуды неайдут.

А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он, Володимер, за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И от того воротился он, Володимер, с служилыми людьми назад и пришел на Ичу реку. Божиим изволением олени у них вышли и ити им было вскоре в Анадырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку реку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он, Потап, писал к нему, Володимеру: камчадалы де все живут в совете, а в ясаке упрашиваются до осени.

И на Иче реке служилые люди били челом великому государю и подали ему за своими руками челобитную, чтобы им с той Ичи реки ити в Анадырской, потому что у них пороху и свинцу нет — служить не с чем. И по тому их челобитью он, Володимер, с служилыми людьми и с полонеником с той Ичи реки пошли на Анадырское зимовье.

И идучи долгою оленка коряка Эвонто, который убежжал из Анадырского, и сказал ясашным юкагирям, что де Анадырской острог взят, служилые и промышленные люди побиты и аманаты выпущены, и чюванского рода Омеля Тюляпсина с товарищи 30 человек изменили и дву человек — казака да промышленного человека — убили.

А в сборе у него, Володимера, ясачной казны — 8 сороков 10 соболей, 191 лисица красных, 10 лисиц сиводушных, 10 бобров морских, парка соболья, 7 лоскутов бобровых, 4 выдры, да староплатежных юкагирей, которые ходили с ними в поход — 42 соболи, 26 лисиц красных. А у многих де соболей хвостов нет, для того что они, камчадалы, у соболей хвости режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из иных шают наушки.

А из Анадырского ходу до Пенжины реки тихим путем

три недели, а от Пенжины до Люторских народов 2 недели, а от Лютор до Камчадальских первых рек 6 недель, а от Кыгыла реки до Камчатки переход на оленях 2 недели, а до Курил ходу от Кыгыла ж 5 месяцев.

А он де, Володимер, из Анандырского с служилыми людьми и с казною великого государя и с полонеником пошел в Якуцкий город.

И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычай и ити было ему невмочь, и он де, Володимер, того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анандырской. И после того встретя на дороге прикащика Григорья Посникова и о том ему говорил, чтоб он ево, не задержав, выслал в Якуцкой с служилыми людьми, и дал ему, Григорью, 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы.

А книги де он, Володимер, вышеписанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своею рукою вскоре. А дорогою де он, Володимер, тех книг не написал, потому что не было у них писчие бумаги.

И есть ли из Якуцкого на Камчатку служилым людем будет посылка, и с ними надобно послать 2 пушечки небольшие, для страха иноземцом, потому что после их, Володимера с товарищи, тех вышеписанных родов иноземцы остроги свои от приходу русских людей почали крепить.

II

1701 году, февраля в 10 день, явился в Сибирском Приказе якуцкой казачей пятидесятник Володимер Отласов, а по допросу сказал:

Из Якуцкого де он, Володимер, пошел в 203 году, августа в последних числах, в Анадырское зимовье, для государева ясачного сбору, а с ним было якуцких служилых людей 13 человек. Из Якуцкого де переплыл он в лодках через Лену реку, взяв конные подводы, шли еланными и луговыми местами до Алдану реки съ дни три. А ходу в день будет верст по 30-ти. А переехали через Алдан в лодках, а коней от Алдану наймовали, и через реку Алдан плавали повыше устья за день, против р[еки] Токалуна. А Алдан река величиною будет против Москвы реки вдвое. А против реки Токулана вверх по правой стороне шли коньми ж, по грязным и каменистам местам до самой вершины 11 дней. А зима захватила их на

устье Токулана реки. А та Токулан река меньше Москвы реки. И перешед Токулан реку пришли на вершину Яны реки, через камень 1 день, и шли по Яне реке вниз коньми недели с две до Верхоянского зимовья.

И в Верхоянском зимовье, наняв новых лошадей, шли на низ по Яне, а Яна река шире Москвы реки и перешли на Тастанак. А Тастанак река меньше Москвы реки и мелка. А с Тастанаку на Галяндину речку, а та Галянда р[е]ч[ка] пала в Индигирку реку, под Индигирским острогом. Ишли тою Галяндою речкою до Индигирского острожжу на конех же. А всего ходу и с простоем от Якуцкого до Индигирского острожжу недель шести и по семи.

А из Индигирского острожжу на низ по Индигирке шли на наемных оленях дней с 5 или с 6, до Уяндинского зимовья. А та Уяндина река пала в Индигирку р[еку] с левой стороны. А от Яндина шли небольшое место на низ по Индигирке и перешли через хребет до Алазейского зимовья, а ходу дней с 8 или с 10. А от Алазейского зимовья на оленях же через хребет шли до Колымы реки до урочища Ярмонги 2 дни. А с Ярмонги шли на низ по Колыме дней 10 на нартах до Нижнего Колымского зимовья, и то зимовье близъ самого устья.

А от Колымского зимовья пошли вверх по Анюю реке и через хребет до Яблонной реки, а по Яблонной вниз до Анандыря реки и по Анандырю вниз до Анандырского острогу, недели с 4, а налехке весною выходят недели с три. А в подводы коней и оленей найдают они, служилые люди, собою у ясачных иноземцев.

А между Колымы и Анандыря реки необходимой нос, который впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он, Володимер, не бывал. А тутешние инородцы чукчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он, Володимер, видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными.

А в Анандырском де зимовье собрал он, Володимер, служилых и промышленных людей человек с 60-ть, а что с теми людьми он, Володимер, учинал и куды ходил и то де

писано в допросе ево, оторой прислан из Якуцкого, и в его, Володимирове, челобитной, что прислана из Якуцкого под отпискою.

А идучи в Камчатальскую землю и из Камчатальской земли, питались они оленеми, которые полонили они у иноземцев, и рыбью, которую они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетьми, которые взяты были с ними из Анандырского зимовья.

А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, порою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больши семги, а иноземцы ее называют овечиною. И иных рыб много — 7 родов разных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы по из моря по тем рекам гораздо много, и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снеги бывают небольшие, а в Курильских иноземцах снег бывает меньши. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого близко вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек — много, а по ржавцам лебедей много ж, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остается их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди, и громы большие, и молния бывает почасту. И чает он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость — величиною меньши изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж ростут на траве от земли в четвер[т]ь, а величиною та ягода немного меньши курячья яйца, видом созревшая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие, что в малине. А на деревьях никаково овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высокнет — будет бела,

и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка, что сахар.

А деревья растут — кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственичунику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник.

А на Пенжине живут каряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья шеманы — вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу, и всякого зверя, и нерпу. А юрты у них оленьи и ровдужные.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью, и лисью, и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летные на столбах, вышиною от земли сажени по три, на мщено досками и покрыто еловым коръем, а ходят в те юрты по лесницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2, и по 3, и по 4.

А питаются рыбью и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырью: кладут в ямы и засыпают землею, а та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и разжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух, что рускому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадальцы сами, а иная посуда у них есть левкашеная и олифляная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только одне шаманы, и у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

А с теми камчадальцами всякую речь, о чем руским людем доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у руских людей. А он, Володимер, по ко-

ряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадальцами вдаль живут курильские иноземцы — видом против камчадальцев чернее и бороды меньши. А в той Курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж, что и камчадальцы, только камчадальцев оне скучнее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю, есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близъ ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людем на горе учинилось — не ведают.

А из под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три.

А вышеписанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее — того больши и почитают. И род на род воиню ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцев никуды не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной, и по 2, и по 3, и по 4. А скота никакова у них нет, только одне собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревье стреляют.

А воюются те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют руских людей огненными людьми. А бои у них с рускими людьми у них были только до тех мест, как сойдутся с рускими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадальцы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекой лазоревой, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие, выдры.

А на море около люторов зимию лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки на море лед бывает ли — не бывает. А на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посыпал он, Володимер, казака для проведыванья иноземцев, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, и в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150, а летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до русских людей острогов у них было меньши, а при русских людех острожков наставили больши для опасения, и из тех острожков бьются — бросают каменьем, пращами, и из рук большим каменьем с острогу мечут, и обвостренным кольем и палками бьют. А к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им бегать, и в тех воротах многих их, иноземцов — противников, побивают. А где острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и разрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойти из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимию льду не бывает, только от Пенжи[ны] реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгыла вдали ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда, платье даб полосатых и пестрых китаек и леновые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской сторо-не повыше Камчатки к Каланской Бобровой реке прихо-

дят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланской жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — и каланы остаются на земле, и их копьями колют, и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут потому что ноги у них самые малые, а береги деревянные крепкие.

А Амур река далеко ль — про то он не ведает.

А у пенжинских иноземцев для морского ходу бывает вместо лодок байдары — спиты из нерпичей кожи, в длину сажен 6, а поперег сажени $1\frac{1}{2}$, и в средине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а делеко ль на море в тех байдарах выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимнем временем.

А в Камчадальской и Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ божий — зело плакал и говорил, что у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное по-русски, для того что жил он с ним, Володимером, 2 годы; а иное говорил через толмачь по-корятцкому языку, для того что у иноземцев жил он до него, Володимера, два ж года. А сказывался индейцом, и золота де у них рождается много, и палаты цениные, а у царя де индейского палаты сребряные и вызолочены.

А у Курильских иноземцев взял он, Володимер, сребряную копейку, весом близко золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним, Володимером, на лыжах от Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пух-

нуть и заскорбел, и затем повертил ево назад в Анандырское зимовье, и буде он оздравеет, то он с русскими людьми в Якутской выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же, Володимер, вез с собою камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил по-руску, и в Кайгородцком уезде воспою умер.

А у сибирских иноземцов у всех учливости никакой нет — люди худые, чистоты никакой не имеют.